

Торкель Янссон

Треугольная драма: взаимоотношения между государством, местным самоуправлением и добровольными ассоциациями

Швед, будь он историк или человек с улицы, найдёт в России множество особенностей, и точно так же мои русские коллеги и друзья найдут их в Швеции. Однако ничто нельзя считать "нормальным", если взглянуть на вещи в длительной сравнительной перспективе. Цель данной статьи - очертить исторические предпосылки современного положения дел. Приведу хотя бы два примера, характерных для сегодняшней Швеции. Для шведа само собой разумеющийся факт заключается в том, что местное самоуправление существовало (у нас) испокон веков, с начала писаной истории, а добровольные объединения вошли в прошлом столетии в такую силу, что смогли оказать большое влияние и на государство, и на общество. Даже такой аристократ, как Олоф Пальме*, и тот, будучи социал-демократическим премьер-министром, рисовал своим слушателям идеальную политическую жизнь в виде собраний участников так называемых народных движений, т.е. (шведских) гражданских организаций, уходящих корнями в XIX в.¹

Другой "самоочевидный" факт - то, что (нынешняя) Скандинавия представляет семью тесно связанных между собой стран. Так оно и есть сегодня, и, кроме того, мы разделяем множество представлений и ценностей с остальным западным миром. Страны (наши) стали всё более походить друг на друга. Берусь утверждать, что после невиданной ранее по масштабам национальной капиталистической интеграции во второй половине XIX в. следующим решающим этапом для этого объединительного процесса стала демократизация государственных и общественных образований после Первой мировой войны. В отсутствие этого этапа демократизации я вижу главную причину, объясняющую, почему условия в России кажутся мне столь отличными (от скандинавских).

Однако следует подчеркнуть, что эти самоочевидные факты имеют свою историю. Ко времени открытия Венского конгресса в 1814 году Скандинавия вовсе не представляла собой семью стран. Империи и королевства были расчленены, рост населения был необычайно силен, и "*l'ancien regime*" - старый феодальный строй - был не способен справиться с этой новой действительностью ни во вновь возникших "открытых обществах", ни в ещё преобладающих чистых автократиях. Что было делать? Пришла пора эмансипации в широком смысле, а вместе с нею и проблема устройства "государства-ночного сторожа", разного типа (хотя бы в теории).

Положение в целом стало сценой для треугольной драмы. Как известно, Финляндия стала автономным великим княжеством царской России в 1809 году и управлялась по старым отечественным шведским законам. Одновременно, "малая бернадоттовская Швеция" (т.е. Швеция без Финляндии, управляемая новой династией Бернадоттов) вновь вернулась, после так называемого густавианского абсолютизма, введенного в 1789 г., к конституционным порядкам. Проще сказать: рождены были два государства, и оба новых правителя - весьма либеральный Александр I и во многих отношениях консервативный Карл XIV (первый король из новой династии Бернадоттов, в прошлом наполеоновский маршал) - должны были управлять своими (т.е. Финляндией и Швецией) государствами в соответствии с законами, принятыми задолго до того, как сами страны получили возможность создать новый социальный порядок.

Общеизвестно далее (скандинавам), что пятью годами позже распалась датская монархия, в результате чего Норвегия возродилась как либеральное суверенное государство, связанное весьма слабой унией со Швецией, тогда как собственно Дания продолжала существовать как самодержавное государство (автократия), по крайней мере, в формально-юридическом смысле. В итоге, два старых государства (Швеция и Дания) распались на четыре. При этом два из них - Швеция и Финляндия - имели давние традиции самоуправления в городских и в сельских "муниципалитетах"*, принадлежавших к общественной сфере (*offentlichrechliche*). В двух других государствах - Дании и Норвегии - общество управлялось согласно принципу автократии, сверху, с XVII века. В Балтийских провинциях общество было более или менее "сдано на откуп" государством прибалтийско-немецкому дворянству и бюргерству (*der verpachtete Staat*). Однако во второй декаде XIX века крепостное право было (там) упразднено, и опека над простыми людьми отошла из рук землевладельцев к другим учреждениям.

Рассмотрим подробнее эту треугольную драму. Какие функции принадлежали государственной власти, центральному правительству, когда они уже больше не могли сверху контролировать положение дел на местах? Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним, какими "картами" располагали власть имущие. Их (этих карт) было мало, только три, по сути, и они хорошо складывались в треугольник: государство наверху, а внизу, с одной стороны, местное самоуправление - муниципалитеты, относящиеся к общественной сфере, к государству, согласно существующему законодательству, и, с другой стороны, (тоже внизу) добровольные объединения, помещающиеся в "частной, социетальной, свободной сфере", управляемой, как говорится, по правилу Бентама (согласно которому, целью общества является наибольшее счастье возможно большего числа граждан).

Разумеется, правители деспотических или автократических государств никак не были заинтересованы в инициативах подданных (хотя те и начали уже мыслить самих себя как граждан). Любопытно, что для обозначения новых явлений пришлось изобретать новые слова. Так, консерваторы - критики общественной самоорганизации - придумали термин "негосударственные учреждения", *Unstaatlichkeiten* для описания организаций, основанных вне контроля единственно разрешенных центральных властей. Приверженцы гражданского общества были изобретательны не меньше, нежели их противники. Хороший пример в нашей части Европы - эстонское существительное, обозначающее понятие "нация". Древнее "*rahvas*", означавшее порабощённое крестьянство (эстонское "*maarahvas*", немецкое "*Landvolk*"), не годилось для обозначения активных граждан, поэтому (эстонские) либералы 1860-х годов придумали новое слово "*rahvus*".

Вернёмся теперь к практической политике, к (нашему) треугольнику в *Балтийских провинциях*. Здесь цари и бароны старались действовать в согласии со своими принципами. После отмены крепостничества в этом регионе были приняты законы, ставившие крестьянские муниципалитеты (нем.: *Bauerngemeinden*) под контроль помещика. В этих законах были поименованы все мыслимые общественные функции с важным добавлением о том, что никакая самоорганизация среди крестьянства не допускается, "дабы избежать ошибок и нарушений в сфере гражданской и экономической". Когда затем была основана ассоциация женщин высшего сословия (в Ревеле) и другие немецко-балтийские общества (*Gesellschafteri*), они характеризовались как "объединения вне сферы государственной власти", и этим было сказано весьма многое. Впрочем, муниципальные законы (законы о самоуправлении) оказались

растениями, способным к быстрому росту, когда 50 лет спустя либеральный Александр II в ходе своей первой, обычно забываемой "русификации", "демократизировал" муниципальную систему, избавляя общество от феодальной власти баронов (реформы 1860-х гг. в России будут охарактеризованы ниже). В этих условиях, в 1860-х годах, эстонцы и латыши могли приступить к своим первым "певческим революциям" против балтийских немцев - неудивительно, что среди их песен слышался тогда и царский гимн.

В *Финляндии* цари не могли вести себя таким же образом с тех пор, как Александр I в 1809 г. поклялся сохранять прежний правовой порядок. Так, он не вправе был изменить общественное местное самоуправление, сложившееся на протяжении веков. Вместе с тем, царь не давал обществу таких обещаний, какие он вынужден был дать государственным учреждениям, - и последствия этого различия очевидны для нас. Подобно Балтийским провинциям, структура (финляндского) общества стала весьма "коммуналистской", или "муниципальной", - во всяком случае, весьма неассоциативной. Интересно при этом, каким образом финны использовали муниципалитеты для активизации своих "сонных" субъектов, сохранившихся со шведских времен. Подобно финляндским политикам после второй мировой войны, финномам XIX века приходилось балансировать между российскими реалиями и шведским наследием, т.е. между возможным и невозможным: и тут мы обнаруживаем этатистское гегельянство на практике, что было редкостью в Скандинавии. В книге Юхана Вильгельма Шнельмана "*Laran om staten*" ("Государственная доктрина"), опубликованной в 1842 году, читатель видит, как постепенно пробуждается участие граждан в гегелевско-германском смысле, т.е. в рамках отечественных шведских институтов, без заметных попыток создания внесударственных организаций. А что ещё оставалось делать Шнельману? На мой взгляд, в той ситуации, в какой ему пришлось жить, он был прямо-таки гением.

Условия были во многом такими же в *Дании*; автократические государственные власти не могли стать опорой для негосударственных инициатив. И тут мы снова оказываемся в автократическом государстве, но уже сильно расшатанном. Дело в том, что со времени Июльской революции 1830 г. странам-членам Германского союза было предоставлено право на так называемые совещательные сословные собрания (нем. "Standerversammlungen"), а поскольку датское герцогство Гольштейн входило в состав Германского союза, подобные "парламенты" были введены и в Дании, всего четыре (собрания). Стоит добавить, что главные советники датского короля по решению этого деликатного вопроса были тщательно подобраны. Ими стали никто иной, как князь Меттерих и сам царь Николай I, которые предложили создать отдельные представительные учреждения для каждой части датской монархии ради противодействия общенациональному росту гражданского участия (civism). Следует добавить, что пробуждающимся датским гражданам было запрещено читать шведские и норвежские газеты (такие же ограничения были приняты и в Финляндии). Подобно прочим самодержавным правителям, датский король более не мог управлять местными делами сверху. Поэтому и в Дании, подобно Балтийским провинциям и, позднее, России, местное самоуправление было введено, пусть и в довольно-таки ограниченном ("подконтрольном") виде (1837 и 1841 гг.), а добровольные ассоциации едва-едва - или вовсе никак - не поощрялись властями. Поворотный момент наступил (в Дании) позже, особенно после падения автократического режима в 1849 г.

Развитие *Норвегии* после 1814 г. показательно для того, что должно было случиться в стране, более или менее либеральной. Чуть ли не на первом заседании

норвежского парламента, основанного на личном, а не сословном, представительстве, представители от сельской местности потребовали самоуправления. Последнее было введено, однако, лишь 25 лет спустя в каждом приходе, с участием небольшого числа прихожан и при наличии уже множества добровольных ассоциаций, действующих впоследствии наряду с органами местного самоуправления. Главной причиной того, что введение местного самоуправления запоздало, был тот простой факт, что важные, т.е. требующие затрат, решения принимались не на уровне национального парламента, а на уровне муниципалитетов.

Шведская муниципальная жизнь (практика коммунального самоуправления) первоначально была, несомненно, такой же, как в Финляндии. Однако после "буржуазной революции" 1809 г. (так бывший московский историк Александр Кан называет то, что произошло в Швеции, когда полу-абсолютистский режим "густавианцев" был свергнут), добровольные ассоциации начали играть здесь гораздо более существенную роль, чем в Финляндском великом княжестве. Ассоциации были импортированы в Швецию почти исключительно из Великобритании, а не из гегелевской Германии. Дальнейшее развитие поясняется нашей схемой (см. ниже).

Развитие Швеции и Финляндии шло после 1809 г. одинаковым образом, если иметь в виду только сферу государственного регулирования. В то же время, Швеция и Норвегия развивались после 1814 г. как государства типа "ночного сторожа", как общества открытого типа. В середине же XIX века, когда целая группа добровольных ассоциаций внедрилась в приходские открытые собрания и стала действовать внутри них (особенно во второй половине века, когда окрепли организации, социальной базой которых были низшие социальные слои), мы видим уже так называемую "*Швецию народных движений*" (*Folkrorelsesverige*) - срединное скандинавское королевство XIX столетия. Пойдём ли мы налево (т.е. в Данию), или направо (в Россию), в обоих случаях связь между государством и обществом была весьма слаба, если мы станем искать формализованные контакты между тем и другим. До середины XIX века ни в Дании, ни в России даже не было муниципалитетов (местного самоуправления) в том смысле, какой имеется в виду в данной статье, и лишь очень мало добровольных ассоциаций.

175 лет назад государство не хотело "больше ничего на своем блюде", как верно заметил либеральный uppsальский историк Эрик Густав Гейер. Гейер писал курс лекций - "Внутренние отношения в обществе в наши дни" - одновременно со Шнельманом (финляндцем), работавшим над своей, уже упомянутой, "Государственной доктриной". Он утверждал, что если бы добровольные ассоциации граждан не пришли на помощь властям, подобно вспомогательным войскам, то всё могло рухнуть, и единственное, что старое государство могло бы предпринять в отношении своих феодальных останков, это "оказывать помощь (disentangle) обанкротившимся корпорациям".

И "вспомогательные войска" вошли в скандинавскую двуединую монархию (Швецию-Норвегию, - прим. пер.): "свободная сфера" общественной жизни переполнилась так называемыми "обществами", негосударственными учреждениями. Государство стало отстраняться (диссоциироваться) от целой серии функций, которые оно ранее выполняло, поэтому обществу пришлось *ассоциироваться!* Таким образом, в скандинавско-балтийском регионе мы получили два типа обществ: если в автократиях имел место коммуналистский тип общества (с акцентом на местное самоуправление), то в Швеции и Норвегии общество было "ассоциативным". Подобно ситуации в Финляндии и Балтийских провинциях после 1905 года, это "ассоциативное" общество требовало многого, и его

требования удовлетворялись. Практически все добровольные ассоциации были общенациональными, самостоятельными организациями, спланированными народом страны. В Швеции едва ли возможно было с той поры стать членом парламента, будучи просто членом политической партии: на деле необходимо было ещё принадлежать к какому-либо так называемому "народному движению".

Говоря о *России*, мы вынуждены заключить, что организационная жизнь, характерная для гражданского общества и описанная выше, имела очень мало общего как с самоуправлением в старых общинах (мирах), которое само по себе было очень сильно, так и с земствами, неполитическими местными административными органами, лишёнными возможности сотрудничать между собой и влиять на государственную национальную политику, учреждёнными в 1860-х годах. В обоих случаях голос добровольных ассоциаций граждан был весьма слаб, т.е. практика самоуправления отражала слабость гражданского общества этого типа. Не зря говорилось, что династии Романовых и Гольштейн-Готторпов правили государством без живого народа.²

Мой собственный научный опыт в отношении России весьма ограничен. Однако я никогда не забуду спор двух моих студентов, одного - из Москвы, другого - из Эстонии, относительно роли добровольных ассоциаций в различных частях Российской империи в конце XIX века. Эта дискуссия показала, что балтийские провинции имели гораздо больше и гораздо более сильные гражданские организации, чем внутренняя Россия.

В заключение мы добрались до конца Первой мировой войны и большевистской революции. Если я не ошибаюсь, однажды было метко сказано, что (в России) произошла смена двух красных углов - православного в каждом доме на новый, коммунистический. Но можно провести и более разительную параллель. На мой взгляд, новые правители переняли саму имперскую идею о взаимоотношениях государства и общества. Как и прежде, именно государство определяло, каковы должны быть роль и функция общества. Новое вино было налито в старые мехи. Хотя в рамках колхозов и местных советов возможно было бы достичь многого, всё же общество должно заново и самостоятельно определить свою позицию, коль скоро целью новых усилий является в настоящее время "европеизация". Не дело историка выступать в роли судьи, всего менее - судить о будущем, но я всё же хотел бы закончить таким образом: диалог между частями упомянутого треугольника, спор между государством, местными органами государственной власти, или иначе муниципалитетами, и ассоциациями самого общества (собственно общественными ассоциациями, объединениями граждан) должен иметь место при взаимном уважении сторон и в такой национальной форме, которая была бы приемлема для остального мира. Только тогда идея цивизма (гражданственности, гражданской активности) станет путеводной звездой для нашего общего древнего континента, срастающегося воедино.

Перевод с английского А.Кана .

схема: Швеция как срединное королевство после 1809/1814 гг.⁴

НОРВЕГИЯ→	ШВЕЦИЯ	←ФИНЛЯНДИЯ
<p>Б. новое «государство-ночной сторож»: сильные общества / ассоциации (особенно в городах) = «<i>privatrecht-liche Offentlichkeiten</i>»</p>	<p>В. Мощные общественные организации в сочетании с весьма автономными муниципалитетами = роль "народных движений"/ массовых организаций на разных уровнях политической общественной жизни.</p>	<p>А. Конституционализм старого типа: сильные муниципалитеты (особенно в сельской местности) = '<i>offentlichrecht-liche Offentlichkeiten</i>'</p>

Примечания

* Пальме был, по шведским понятиям, знатного происхождения (перев.)

'Данный очерк представляет собой очень сжатую версию книг и статей о государстве и обществе в Скандинавии и Прибалтике в XIX веке, а именно: *Adertonhmdratalets associationer* (Summary: "Nineteenth-Century Associations. Research and Problems concerning an Explosive Vacuum or Principles and Forms of Organization between Two Social Formations circa 1800-1870"), Uppsala 1985, *Agrarsamhallets forandring och landskommunal organisation* (Zusammenfassung: "Agrargesellschaftlicher Wandel und Landgemeindewesen. Einige Gmndzuge der Entwicklung Balto-Skandinaviens im 19. Jahrhundert", Uppsala 1987. Расширенная версия в кн.: Loit, A. ed., *The Baltic Countries 1900-1914*, Studia Baltica Stockholmiensia, 5, 1990), "The age of associations" (*Scandinavian Journal of History*, vol.4,1988), "A Triangular Drama. Domestic, Continental and British Features in the Relationship between State, Municipalities and Voluntary Associations. Baltico-Scandinavia in the Nineteenth Century" (*Eesti Teaduste Akadeemia Toimetised/Proceedings of the Estonian Academy of Science. Humanitaar-ja sotsiaalteadused/Humanities and social sciences*, 1993), "Gesellschaft-Nation-Staat, Einer der Intergrationsprozesse des 19. Jahrhunderts am Beispiel der belto-skandinavischen Lander" (*Eesti Teaduste Akadeemia Toimetised...*, 1994).

² Приходские здесь значит "сельские".

³ Здесь уместна параллель с Данией и датчанами начала XIX века. В 1825 г. Гейер, родившийся в типичном шведском приходе с традиционным самоуправлением, посетил соседнюю Данию. Народ ему очень понравился, но вместе с тем он счёл их "мёртвыми" в политическом смысле, по его выражению. В западной литературе царская династия с Петра III нередко называется гольштейн-готторпской (прим. пер.).

⁴ Примеч.переводч.: для ясности я пометил схему буквами: «А» есть общее для Швеции и Финляндии, «Б» общее для Швеции и Норвегии, «В» присущее только Швеции. Схема, таким образом, выявляет срединное место Швеции в политическом развитии Северной Европы.